

ОТЗЫВ

о диссертации **Н. В. Боруруевой** на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
«Поиск культурной идентичности в творчестве
франкоязычных писателей магрибинского происхождения
(Салим Баши, Малика Мокеддем)

Данная работа представляет **инновативное** исследование в «поле» отечественного литературоведения, не только вводящее в научный обиход огромный пласт современных франкофонных «штудий», как называет их автор диссертации, действительно, не всегда нам доступных (напр. материалы коллоквиумов в Серизи), но и **впервые исследующее** творчество писателя-алжирца Салима Баши (если не считать предисловия к изд. на русском языке его роману «Пёс Одиссея») в рамках постмодернизма. Работа Натальи Валерьевны отмечена **абсолютно иной методологией** анализа литературы магрибинского зарубежья, а потому существенно дополняет возможность ее научных оценок, осуществленных нами в парадигме культуры эмиграции // иммиграции // выходцев из иммигрантской среды.

Российское (и в советское время — центрально-азиатское) литературоведение на протяжении нескольких десятилетий XX и XXI вв. занималось и продолжает заниматься литературным процессом в странах Магриба в рамках национальных литературных систем Алжира, Марокко и Туниса, а также в рамках межлитературной «зональной общности» этих систем и в плане диаспоральности литературы магрибинцев, живущих и работающих за пределами своих стран. В иммиграционном контексте изучалось и творчество «бёров» второго поколения магрибинцев, уже родившегося во Франции.

Понятия «эмиграции» и «иммиграции», с нашей точки зрения, отличаются от некоей генерализирующей номинации «миграция» (и «ми-

гранты)), к которой прибегает диссертант вместе с ее французскими и, в целом, западными коллегами, поскольку в «поле литературы» они — эти понятия — реализуются в двух разных типах общественного сознания: «эмигрантская» литература преимущественно сохраняет тягу к национально-культурной и национально-исторической проблематике, интенцию «возврата» к родным корням и на родную землю (Д. Шрайби, М. Диб, Т. Бенджеллун, Ассия Джебар и др.), «иммигрантская» же литература, представленная «осевшим» слоем магрибинцев, больше занята уже окружающим контекстом западной реальности, своим положением (на стыке разных этноконфессиональных и цивилизационных начал. «Бёры» же (на верлане — арабы, но именно те, кто уже родом из Франции), — являют пример сознания «мятежного», в основном требуя соблюдения своего «права на разность» при соблюдении республиканского «права на равенство». Но среди них есть уже и те (и литература их это фиксирует), кто не отделяет от себя свою «французскость» («по праву почвы») и если сознает свое этно-конфессиональное отличие, то не придает ему решающего значения.

Анализ эволюции всех этих типов литератур франкоязычных магрибинцев, продолжающих свое развитие, как и типов самосознания, представляющих их писателей, сделан в работах отечественных исследователей, опиравшихся прежде всего на историко-культурное прошлое этого ареала, на детерминанты колониальной эпохи с ее политикой ассимиляции автохтонов, на социально-политическую «конфигурацию» постколониального времени с его усилением политики «тотальной арабизации» культуры Магриба, напрямую связанной с усилившейся эмиграцией франкофонов, на диаспоральную неоднородность (культурную и социальную), во многом вызвавшую к жизни и саму проблему культурной (и даже гражданской) самоидентификации франкоязычных магрибинцев во Франции. Это не означает, что проблема самоидентификации

не стояла ранее перед интеллигенцией, особенно писательской, в странах Магриба, когда выбор родного языка (этнического) или выбор французского для выражения своей причастности «к национальной истории» порой решал судьбу всего творчества. Так, алжирец Малек Хаддад предпочел «замолчать», считая, что его «*expression française*» — умаляет его «алжирство», а Катеб Ясин, к примеру, посчитал, что он «вырвал» французский язык, «как винтовку» из рук «врага» (колонизатора), а потому — победитель вдвойне...

Освобождаясь от «*декультурации*» колониального типа, литература «автохтонов» в Магрибе долго отстаивала свою *самобытность* и *самостоятельность* именно на языке французском, затем пришла черед активного арабоязычия, занявшегося этим делом, но идентификационные проблемы, перешагнув границу в постколониальное время, оказались в не менее драматическом контексте интеграции // дезинтеграции [реальное вращение в культуру «принимающего общества», и отрыв от национальной: в рамках мусульманской семьи иммигранты продолжают и до сих пор мучительно переживать «разрыв» с культурой старшего поколения, сохраняющего конфессиональные обычаи и родной (арабский или берберский) язык].

Пристальное внимание к изучению творчества **отдельных писателей** (франкоязычных) — магрибинцев также оказывалось нашим литературоведением с опорой именно на вышеотмеченные методологические принципы, базирующиеся на историко-культурном, социально-политическом, культурно-политическом и социо-психологическом подходах, определяющих место и роль писателя в системе национальной литературы или литературы магрибинского зарубежья, а также на принципе художественной *репрезентативности* их творчества в этих системах. «Поле» отечественной ориенталистики было (и остается) тесно связанным с основным принципом классического литературоведения, пре-

жде всего выявлявшего смыслы, цели и задачи творчества художников слова («и образ мира в слове явленный...»), не пренебрегая, конечно, и анализом способов построения художественного пространства в их произведениях. Возможно, извечная острота проблем, связанная с рождением новых, независимых стран и возникновения в них культур и литератур нового типа, идеологическая напряженность оценок возникавших явлений порой заслоняли необходимость углубленного стилистического и вообще — формального анализа, по-своему хотя и связанного с содержательным планом произведения, однако не казавшегося главной задачей изучения литературного процесса и выявления смыслов в потоке (почти непрерывном и до сих пор интенсивном) магрибинского франкоязычия. В последнее время острота дискуссий (в основном в среде социологов) по поводу «культурных различий» (*les différences*) также «задела» и писателей — не французов (этнических), но пишущих по-французски, которые и не хотели растворяться в море «мультикультурализма», и не хотели сносить некоторое дистанционное к себе отношение (*écart*) или различие себя (*différance*) как к представителям другой этно-конфессиональной среды, и полностью исключали себя, в основном, из национально-политического контекста своих стран (особенно алжирцы, в меньшей степени тунисцы, а сейчас, всё интенсивнее, и марокканцы), оказываясь и «по ту сторону» французскости, и «по другую» от крайностей исламского фундаментализма, от оков средневековой традиции и морали, и от невозможности (если речь идет о женщинах-писательницах) жить сегодня по закону шариата. Но и ограниченность своего существования («социальный лифт»!) для иммигрантов-магрибинцев не всегда имела позитивные самоидентификационные коннотации, что приводило и писателей, и их героев к поискам выхода из проблемы «*Кто мы?*» в условиях и укреплявшегося полиэтнизма и ростом недовольства этим феноменом в среде французов, считающих, что и национальная идентичность уже «слома-

на» (cassée) нашествием «других». Так что проблема «свой // чужой» как извечная проблема встречи и контакта разных цивилизаций не может не лежать в основе идентификационного сомнения и не иметь реально исторических и других причин, детерминирующих и сам процесс «поисков себя», особенно сегодня, пока еще не в «глобализованном», как пишет диссертант, но в уже глобализирующемся мире...

В диссертации же Н. В. Боруруевой акцент ставится на уже как бы «безграничное» единство и франкофонии как мирового явления, и на литературное франкоязычие как нечто над-национальное, над-социальное, над-конфессиональное, как нечто существующее лишь в пределах все амальгамирующего пространства «**d'expression française**». Или еще проще — литературного «поля» с «центром тяготения к франко-парижскому центру», или, еще лучше, входящее в объем понятия «литература — мир» (где не «мировая» совокупность национальных культур и их литератур, а еще точнее, их лучших образцов), некое «*транскультурье*» с уже свершившейся метисацией (или «креолизацией», что вовсе не одно и то же: «креольское» — это «белоевропейское», но родившееся в колониях и заморских территориях метрополий, напр. творчество франц. *pieds-noirs*).

Практически вся I глава диссертации и посвящена «разбору полета» этих понятий, как и понятию «*мигриюд*», которое полностью в концепции Жака Шеврийе размыкает сложность такого явления как «литература иммиграции», к которой все-таки принадлежат, с моей точки зрения, избранные диссертантом писатели. И в конечном итоге, неопределенность «генетическая» (по типу происхождения или расположения в системе национальной или диаспоральной) творчество этнических магрибинцев, пишущих по-французски, но живущих за пределами Магриба (не обязательно даже во Франции, как например тунисец Мустафа Тлили, работающий в США) оказывается размещенным в некоем пространстве «*порубежья*» (но не стыке «границ» и цивилизационных «рубе-

жей», а в *безграничье* «*entre-deux*»). Но всё ближе, таким образом, становится понятие просто «*nulle-part*» («Я ниоткуда», — заявляла как-то лет двадцать уже назад героиня повести Сореи «Нини», — фамилия-псевдоним которой красноречиво свидетельствует о невозможности пристать *ни к одному* из «двух берегов»). И неудивительно, что II глава диссертации, в основном, и подчинена доказательству подобной стратегии поиска культурной идентичности Салимом Баши, (и своей, и своего героя — путешественника Синдбада), имеющей естественный вектор *космополитизма* как духовного пристанища (своеобразный «*valeur-refuge*») тех, для кого, в целом, мир не столько *един* (как некая культурно-идентичная целостность), сколько *безразличен* (т. е. «множественен»), ибо позволяет принадлежать «просто миру», или лучше — оказаться в его «авангарде».

Однако, вспомним приведенное в I части диссертации «тройное» условие этого подлежания: 1) сохранять свою содержательность; 2) говорить о современном мире (его «смещении» культур); 3) отказаться от претензии на национальный и однородный характер» (с. 33). Автору данной теории, вполне дидактической и даже диктаторской для писателей, тяготеющих к «всемирному» полю литературы, Ле Брису, конечно, близка идея мультикультурализма, неслучайно потерпевшему крах во Франции. Но как быть с Салимом Баши, который свою «транскультурность», подчеркнутую «интертекстуальностью» (блестяще проанализированную в диссертации), порой замещает (и вполне органично) сферой сугубо национального, где его алжирская сущность не позволяет растворить свою авторскую индивидуальность в море постмодернистской «всеобщности», «множественности» (а я бы назвала цель многоопорности, интертекстовости, цитатности, даже некоей *second hand*'ностью), «коллажности», и в хаосе «неуверенности и сомнений» (я имею в виду его роман «Пёс Одиссея» с очевидной «алжирской

болью» эпохи агрессии исламского фундаментализма)...

«Промежуток» же «**межкультурности**», как и виртуальное пространство «**транскультурности**», или бесконечность блужданий в море («где не светят маяки», по выражению тунисца Тахара Бекри) «**порубежья**» культурного, наблюдаемого в III главе в творчестве М. Мокеддем (а точнее, ее самоидентификационной неустойчивости с бесконечным передвижением от «**ici**» к «**ailleurs**» (во имя чего?) чреватые тоже культурным «**ничто**», некоей психологической дисфункцией, стиранием личностной основы (и Малике Мокеддем, которой посвящена III глава диссертации, как врачу по своей основной профессии, это несомненно известно). Тем не менее, автор диссертации, скрупулезно, тщательно и талантливо исследуя ее (или ее героиню) «блуждания» в поисках «себя («кто я? откуда? куда плыву?») и опираясь, в основном, на тексты двух романов писательницы («Век саранчи» и «Я продолжаю» — N'zid), скорее обрекает писательницу на вечный N'zid, на продолжение самоиспытания в пространстве «**безграничья**», ибо ни «коллективное» алжирское (т. е. традиционное общество с его оковами), ни «коллективное» французское (этническая метиска Малика Мокеддем вряд ли всерьез интегрирует себя в него) не приносят успокоения... (Но не отсюда ли и трагическое *mal-de soi*» полубритонки, полуалжирки Нины Бурауи, рассказавшей в своем романе «Раненый возраст», как «отторгнула» героиню родная страна в период гонений на «инаковых» и как не приняла другая, где она тоже оказалась всем «чужой», стала рыть землю в «лесу» своего *изгнания отовсюду* в надежде *добраться до берега своего счастливого детства*, где было только море и солнце...). Пристать к «родному берегу», бросить где-то в надежном месте свой «якорь», «доплыть до родной земли», «перейти море отчаяния», удержать «образ родного мира», найти «свой дом», «вернуться в свой край» («Au pays!» и т. д. и т. п. — это ведь всё **лейтмотивы** магрибинской литературы на французском

языке, развивавшейся и развивающейся на территории Франции (от М. Диба, Д. Шрайби, А. Мемми до А. Меддеба, Т. Бенджеллуна, Т. Бекри, Ф. Меллаха, Р. Буджедры, Л. Себбар и многих-многих других писателей и поэтов — этнических магрибинцев...) «Один берег» — это уже не «вечное движение» **изгоя**, но убежище его идентичности и гарантия ее нераздвоенности... У «бёров» — гораздо сложнее. Они — «французы». Но «право почвы» не освобождает их от маргинальной «зональности» и обреченности жить **сразу в двух мирах**. Отсюда — либо выработка «синдрома адаптации» («И собаки тоже...» Азуза Бегага), либо вечное **несмирение со своей второсортностью**, приводящее к ощущению «ничейности», «ненужности», к «*identité brisée*» (Мунси, А. Джубер, М. Зуккорт и многие-многие другие)...

Однако диссертанта устраивает концепция «**полиморфности**» (из книги Кастерсутейна и Камиллери «Стратегии идентичности», т. е. *динамичной* структуры социально-психологического определения идентичности, «конструктивные элементы которой, присутствующие в субъекте», связаны с конкретной ситуацией в определенный момент времени. Но если индивиды склонны безболезненно пересматривать «*свои принадлежности*», основанные на диалектике сходств и различий, тогда, действительно, Малика Мокеддем, то алжирка, то просто «ищет себя» в своем французском «*пограничье*» (Монпелье, ее город, почти стоит на берегу Средиземного моря). Иначе откуда взялись такие вполне алжирские ее романы (не только в смысле проблемно-тематическом), как «Мечты и убийцы», «Запрещенная», «Люди, которые идут», в конце концов..? Не во имя же «получения признания» во франко-парижском Центре» своего литературного «поля»? Тем не менее, диссертант, аргументируя текстом N'zid'a, создает впечатление, и весьма убедительное, о *подвижности стратегий идентичности*, используемой Маликой Мокеддем (в резком, к примеру, отличии от своей соотечественницы Маис-

сы Бей, которая написала книгу «Я и та, и другая...».

Я не могу не отдать должное выбору самой темы диссертации, которая в эпоху реальных сражений двух полярных величин «Islam en France» и «Islam de France» становится **остроактуальной**. Не стоит углубляться в политику, но и не надо забывать, что магрибинцы во Франции, кто бы они ни были (в плане конфессии), объект особого внимания, и в литературоведении тоже. Поэтому не удивляюсь выбору позиции «**новых подходов**» к литературе франкоязычных магрибинцев моего давнего коллеги Шарля Бонна, который склонен теперь соотносить их произведения с *франкофонией вообще*. Так спокойнее, так увереннее: «великая французская культура и цивилизация» рано или поздно «поглотит» всё и вся, если уж «они» прибились к этому берегу, хотя бы только с помощью французского языка...

Но я не буду углубляться в теории французских исследователей. Они прекрасно представлены в диссертации. «Древо же жизни» магрибинской франкоязычной литературы, как и литературы магрибинцев за пределами Магриба, шумит постоянно зеленеющей, не засыхающей листвой, обильной, полнокровной и почти не забывающей о своих корнях, а порой просто питающейся их соками.

И если строгая, выдержанная в прекрасном научном стиле, графически обеспеченная, параграфически структурированная диссертация Н. В. Боруруевой порой в своем стремлении «упорядочить» стратегии поисков идентичностей в произведениях двух магрибинцев как бы забывает об их живом, реальном **множестве** (писательском!), хотя уже и давно демонстрирующем свою внутреннюю и внешнюю **типологию** (схождений, различий, совмещений и т. п.), то только потому, что игнорирует (или почти игнорирует) сам литературный контекст, увлекаясь или, точнее, «соблазняясь» постмодернистской интертекстуальностью и *внутритекстовой* «игрой в бисер». Отсюда и попытка расположить ро-

маны М. Мокеддем в жанре автофикции (с. 129-133), уводящей, скорее, в мультипликацию своих фантазмов, а не в сферу литературной *автофиксации* [или биографического жанра, преследующего совсем другие цели: неслучайно **все** магрибинцы так или иначе от Ферауна, Шрайби и Мемми, Диба и Буджедры до «бёров» с их «повестями о жизни» («recits de vie») писали о себе как типичном представителе своего поколения, среды, «communauté» и т. д.]. Вообще огромный корпус литературного контекста как бы оказывается поглощенным, а точнее невидимым в бесконечной глубине пространства текстового анализа, не позволяющего раздвинуть рамки «деконструкции» до горизонтов историко-культурных и историко-литературных. Но они и не были целью исследования, у которого свой, огромный корпус исследований, на которые опирается диссертант, и корректный корпус источников, которые показывают две стратегии поисков культурной идентичности в качестве примера актуальной проблематики магрибинской франкоязычной литературы. Мне лично не хватало сравнительно-типологического анализа Салима Баши с Абдель Ваххабом Меддебом, с его «Talismano», «Fantasia», так же как и с «1001 годом ностальгии» Р. Буджедры... Или сопоставления концепций М. Мокеддем с позицией Суад Бельхадда в «Между двух я», или с «автофикцией» Р. Буджедры **во всех его**, практически, романах, вплоть до последнего. Но автора надо судить по законам, «им самим над собой поставленным». И в этом плане можно сказать, что работа Н. В. Боруруевой удалась, имеет безусловную научную ценность, способствует решению важной историко-культурной, социо-психологической и литературоведческой задачи, а ее автор заслуживает, безусловно, присуждения ученой степени кандидата филологических наук. Диссертация соответствует всем современным требованиям ВАК для присуждения этой научной степени (п. 9.10 Положения ВАК о присуждении ученых степеней). Наталья Валерьевна Боруруева, продемонстрировав явную способность к научному поиску, полагаю, займет дос-

тойное место не только в среде французских исследователей литератур Магриба и магрибинцев, работающих во Франции, но и в корпусе русскоязычных магрибиноведов, уже давно пополнивших ряды отечественных ориенталистов.

18.03.15

Доктор филологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН

Светлана Викторовна Прожогина

С. Прожогина

*Подпись С. В. Прожогина
удостоверено.*

секретарь ИВ РАН

И. Г. Рогов

И. Г. Рогов

18.03.2015

Сведения об авторе отзыва

ФИО: Прожогина Светлана Викторовна

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Институт востоковедения Российской академии наук

Должность: главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Адрес места работы: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Телефон: (495) 621-18-84

Email: svetlana.projogina@mail.ru

Крылова Н.Л. Прожогина С.В. Гендерные аспекты конфликтов. Столкновение эпох и культур глазами русских в Африке и североафриканцев в Европе. М.: ИА РАН, 2010.

Крылова Н.Л. Прожогина С.В. Путь к себе (Проблемы самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада). М.: ИА РАН, 2013.

Прожогина С.В. В поисках настоящего времени (франкоязычная литература Магриба в современную эпоху). М.: ИВ РАН, 2011.

Прожогина С.В. Метаморфозы образа моря. М: ИВ РАН. 2010.

Прожогина С.В. Мир Гор. М.: 2013

Прожогина С.В. Новые идентичности (Быть или не быть западно-восточному «синтезу»: из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов). М.: ИВ РАН, 2012.

Прожогина С.В. Специфика «женской литературы» в Магрибе и в среде магрибинской иммиграции во Франции // Африка: гендерное измерение. М.: ИА РАН, 2010

Прожогина, С.В. (составитель, ответственный редактор). Берберская антология. Культурная антропология и образцы фольклора туарегов. М.: ИВ РАН, 2012.